

УДК 82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.265

БИБЛЕЙСКИЙ ДИСКУРС В ПОЭЗИИ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА**А. В. Ильиных**

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества

В статье рассмотрены основные векторы развития поэтической мысли Ю. П. Кузнецова, связанные с библейским дискурсом: осмысление образа Христа как морально-нравственного ориентира, отношение к Родине как к образу мира в свете христианского миропредставления, определение роли поэта как проповедника Божьего Слова. Особое внимание уделено сквозному мотиву отражения в творчестве автора и антонимическому построению образной системы Ю. П. Кузнецова, а также эсхатологическим, или инфернальным, мотивам в его произведениях.

Ключевые слова: Ю. П. Кузнецов, русская поэзия XX века, христианство, образ Христа, библейская символика, мотив отражения, образ поэта, Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин.

Ядро образной системы талантливого поэта, хотя и претерпевающей изменения в процессе эволюции творческого почерка, остается относительно постоянным благодаря таким константам, как мировоззрение и поэтическая программа. В случае Юрия Кузнецова важнейшей составляющей мировоззрения является религиозное сознание, выстраивающие три, на наш взгляд, наиболее важных вектора развития мысли, ясно оформившихся в зрелом творчестве, но берущих начало и на ранних этапах становления поэта. Это своего рода остов, на который настраивается вся поэтическая система Ю. П. Кузнецова. Библейский дискурс неразрывно связан с духовными исканиями не только лирического героя, но и самого поэта. О важной роли религиозной составляющей поэзии Ю. П. Кузнецова не единожды писали исследователи: к примеру, С. Ю. Николаева характеризует поэзию Ю. П. Кузнецова как «геоцентричную» [7] и рассматривает актуализацию в ней христианского провиденциализма [6], Н. Н. Гордиенко относит духовное творчество поэта к «православно-созерцательному» типу [1], В. А. Редькин говорит о чертах духовного реализма в поэзии Ю. П. Кузнецова [8].

Первым и наиболее значимым вектором является осмысление образа Христа как морально-нравственного ориентира, духовного учителя и конечного идеала. Вторым – отношение к Родине как к образу мира, рас-

смотрение России и ее исторического пути в свете библейского дискурса. Третий вектор совмещает в себе идеи первых двух – поиск своего места в мире, своего предназначения, осознание роли поэта в судьбе Родины, его духовное становление и осмысление сущности творчества. И хотя творчество Ю.П. Кузнецова нельзя строго ограничить лишь этими тремя направлениями, на наш взгляд, они являются наиболее ярко выраженными.

В 1967 году Ю.П. Кузнецов впервые знакомится с Евангелием, а в 1980-е начинает обращаться и к святоотеческой литературе. Постепенная эволюция образов и тем, связанных с рассматриваемыми направлениями, прослеживается уже в ранних стихотворениях поэта, несмотря на то, что осмысление их с непосредственно религиозной точки зрения еще отсутствует. Стоит заметить, что для некоторых ранних стихотворений характерна более поздняя доработка, имеющая отношение к введению религиозного мотива. К примеру, в стихотворении «Муравей» строка «Я не знаю превратного счастья» заменена на «Я не знаю ни бога, ни счастья»; аналогична ситуация в другом произведении: «Я брошен под луну, как под копыто, / На золотых дорогах красоты. / Назад нельзя! Ведь столько лет убито...» – впоследствии публиковалось как «Я брошен под луну, как под копыто, / За то, что с богом говорил на “ты”». / Но бога нет, и столько лет убито...» [4, т. 2, с. 53] В контексте рассмотрения эволюции библейских мотивов в творчестве Ю.П. Кузнецова эти моменты весьма показательны.

Отметим, что с содержательной точки зрения религиозные мотивы в творчестве поэта заслоняют один из постоянных концептов раннего творчества поэта – пустоту («В пустоте», «Снег», «Сын» (из рукописи), «После смерти, когда обращаться...» и др.). Экзистенциальные искания юного лирического героя приводят его к ужасающей пустоте, ждущей повсюду, не только мир кажется до боли пустым – и сам человек в итоге оказывается ничем, лишь пустым местом. И выход из убийственной тоски и «всемирной пустоты» он находит в трех указанных векторах: христианской вере, Родине и своем поэтическом предназначении. Пустоту лирический герой видит связанной с сатанинским началом: «Тут сатана, его расчёт холодный: / Заставить нас по нашей простоте / Стирать черты из памяти народной / И кланяться безликой пустоте» [Там же, т. 4, с. 302]. Однако, на наш взгляд, для поэзии Ю.П. Кузнецова в целом характерно формирование стойких антонимических пар (*орел – змея, родное – чужое, тьма – свет, солнце – луна*), и часто мы можем наблюдать своеобразное раздвоение одного и того же явления или предмета, так и пустота дихотомически раздваивается, это уже две пустоты, две бездны: Бог («Великий Ноль») и сатана (ничто). Это явление напрямую соотносится со сквозным мотивом отражения и подмены в творчестве Ю.П. Кузнецова, о чем мы еще будем говорить в рамках данной статьи.

С Христом связаны наиболее масштабные творческие искания Ю.П. Кузнецова, в частности, создание трилогии «Путь Христа» и различные стихотворения. По признанию самого поэта, стихотворением, в котором впервые смутно обозначился «образ распятого Бога», стало «Всё сошлось в этой жизни и стихло» [5, с. 163], написанное еще в годы учебы в литинституте. Непосредственно библейский мотив еще не оформлен и лишь с визуальной точки зрения навеивает ассоциации с распятой фигурой (отпечаток вздетых рук и лица на стекле).

В 1970 году Ю.П. Кузнецов уже более явно использует христианский образ «одного страдальца» в стихотворении «Когда-то людям путь на небеса», впоследствии, как и многие мотивы и образы в творчестве поэта, разработанный в других произведениях («Детство Христа»). Здесь Христос уже характеризуется в одной из важнейших ипостасей – как учитель. «Ладони» (1981) схожи мотивами со «Все сошлось в этой жизни и стихло...», хотя и более отчетливы в отношении используемых образов. В этом стихотворении мы снова встречаем мотив «отпечатывания» («И дышу на ладони / Проступают на них два лица»), а лирический герой косвенно вновь уподобляется фигуре Христа.

В 1987 году Ю.П. Кузнецов пишет знаковое стихотворение «Портрет Учителя», в котором впервые со всей полнотой и выразительностью очерчивается образ Спасителя: подробно описаны его внешность и нрав (ему не свойственны противоречия, он молвит нерадивым ученикам «сурово») и данные им заветы («Не мысли другому того, / Чего не желаешь себе», «истина в любви»).

Примерно в это же время начинает оформляться образ антипода Христа («Число», «Рождение зверя», «Последнее искушение», «Сновидение в ночь на Рождество»): если «...родился Господь при сияньи огромном», то мать антихриста «шестьсот шестьдесят шесть раз смолой... прожигала тьма», прежде чем она «мессию... выbleвала на свет» [4, т. 4, с. 352]. Как видно из «Последнего искушения», антихрист – «отражение» Христа, искажение и оборачивание наизнанку светлого образа Спасителя, второй компонент антонимической пары. Примечателен характерный для поэзии так же своеобразно «разложившийся» на противоположные значения образ сетей: сети земные и сети небесные («евангельские сети»), которые расставляют «ловцы» душ – это, конечно, Христос («ловец человеков – Христос») и антихрист, что в ипостаси «ловца» появляется в стихотворении «Ловля русалки», где в сказочном образе полудевы-полурыбы представлена Россия («Мирно дышат зубчатые жабры Кремля») во времена политических потрясений. «Великий ловец», который явился «как тень из грядущего дня», смущает русалку «словечком» (не Словом!) «свобода» (что в позднем творчестве приобретает ярко выраженные негативные коннотации, для сравнения:

«Нет порядка, есть ложь и свобода» [Там же, т. 5, с. 24]). Антихрист, повторимся, искаженное отражение Христа, он «все движенья <Христа> повторял, / Но другой половиною тела». Многогранный образ зеркала/отражения усложняется и тем, что присутствует в мире, куда ни брось взгляд: это и привычное бытовое зеркало, и отражение на глади вод, и даже отражение в «темных-темных зрачках глаз» Богоматери. Но отражение отражением и остается, это лишь призрак, хоть и способный влиять на положение вещей через верящих в него людей; он существует и нет одновременно («Антихрист близко, / Хотя его и не видать», «И где он сейчас – Бог весть. / Но мир изменился за столько лет... – / Так значит, Антихрист здесь!», «Ты не зря на свой призрак похож, / На Антихриста царства земного»). Как говорил сам поэт: «А призраки – это святым искушение. Призраки – зло. Его вроде и нету, мы замороженно слушаем, а зло – проникает в нас, искушает, засасывает в небытие» [5, с. 292]. По ту сторону зеркала – небытие, и зазеркалье Ю. П. Кузнецова часто предстает как мир инфернальный [7; 9], однако стоит также заметить, что встречается использование этого образа и в положительном контексте, к примеру в стихотворении «Русский ангел», которое мы затронем ниже.

Все столь долго развивавшиеся и находившие опору образы и мотивы вылились в одно из последних программных стихотворений Ю. П. Кузнецова, посвященных Христу, «Полюбите живого Христа», и самую масштабную работу «Путь Христа». Как заметил сам поэт: «Я хотел показать живого Христа, а не абстракцию, в которую Его превратили религиозные догматики. В живого Христа верили наши предки, даже в начале XX века. Сейчас верят не в Христа, а в абстракцию, как верили большевики в коммунистическую утопию» [5, с. 350].

Второе направление развития религиозной мысли связано с понятием Родины. Уже в самых ранних стихотворениях Родина выходит для поэта на первый план как отцом оставленное наследство («Со страны начинаюсь»), на основе которого формируется дихотомическая пара «родное – чужое».

Судьба России осмысливается через призму христианской символики. Пространство славянской Родины-земли вбирает в себя целый мир для лирического героя: «Над головою небесная рать / Клонит земные хоругви свои, / Клонит во имя добра и любви. / А под ногами темней и темней / Клонится, клонится царство теней» [4, т. 4, с. 49]. На просторе Родины, осененном деревом жизни, происходит вечный бой добра и зла:

Как родился Господь при сиянье огромном,
 Пуповину зарыли на Севере тёмном.
 На том месте высокое древо возшло,
 Во все стороны Севера стало светло.

И Господь возлюбил непонятной любовью
 Русь святую, политую божеской кровью.
 Запах крови учуял противник любви
 И на землю погнал легионы свои.
 Я увидел, всё древо усеяли бесы
 И, кривляясь, галдели про чёрные мессы.
 На ветвях ликовало вселенское зло:
 – Наше царство пришло! Наше царство пришло!
 [Там же, с. 320]

И если Родина для Ю. П. Кузнецова – образ Вселенной, то Москва метонимически передает образ Родины, не случайно ноги лирического героя «В рай идут через Красную площадь» [Там же, с. 336], а в стихотворении «Рука Москвы» герой на собственный вопрос отвечает: «Что в глубине твоей, Россия, / Что в кулаке твоём, Москва? <...> Когда кулак твой разожмётся, / А на ладони – Божий храм» [Там же, т. 5, с. 198].

Сам поэт говорил: «...я нигде, ни в каком русском городе не могу, кроме Москвы, жить, ибо в Москве сосредоточена духовная жизнь. Да, сейчас в ней очень много безобразия скопилось. Но это другая тема. <...> Русский поэт должен жить в Москве» [5, с. 342].

Родина, где «сияет образ Пригвождённого» [4, т. 4, с. 318], оказывается под напором зазеркальных inferнальных сил. Царящее в более позднем творчестве Ю. П. Кузнецова настроение приближающейся катастрофы и преобладание апокалиптических мотивов [3; 9] выливается в повсеместные картины заброшенного, разоренного храма, «ада над нами» (одноименное стихотворение), ощущения близкого Судного дня.

Но присутствует и луч надежды. Образ храма как олицетворение сердца Родины выходит на первый план. Мотив отражения выливается в создание двух стихотворений: «Свечи в заброшенной часовне» и «Преображенного храма». Эти произведения, подобно истинному предмету и его отражению, продолжают тему искажения истины inferнальными силами в творчестве Ю. П. Кузнецова, где, без сомнений, «Преображенный храм» свидетельствует о благом и реальном, а «Свеча в заброшенной часовне» – о темном и inferнальном, призрачном. Образы последнего словно вывернутые наизнанку образы благодати и истинной реальности: пространство «за синим лесом, за горами» из более позднего «Преображенного храма» здесь «глухомань», вместо «толпы» верующих – одинокий, «хвативший первача» мужик, а вместо атмосферы веселья и радости – тишина и строгость ангелов, наказывающих мужику «уйти и молчать». Причина такого очевидна: свеча в заброшенной часовне «молится за сатану». Однако стоит принять во внимание главного наблюдателя действия. Можно ли вообще считать подобное inferнальное видение сколь-нибудь правдивым, если свидетелем его становится пьяный человек? Это скорее морок, порождение единичного замутненного сознания, один из тех самых «призраков», о которых говорил поэт.

В «Преображенном храме» отражена основная константа благого бытия русского человека – соборность. Не случайно картина преображения происходит в людном храме и сияние свечи «в каждом сердце отдаётся». Единение поэт противопоставляет индивидуализму и одинокому бесконечному самолюбованию (отсюда и сквозной в поэзии Ю. П. Кузнецова образ зеркала – инструмента искажения через «всматривание» в себя, самокопания). Так и светлое будущее Родины поэт видит лишь в случае духовного единения народа на почве православия.

Третье осевое направление – осмысление места поэта в мире и сущности творчества.

Образ художника слова в творчестве Ю. П. Кузнецова не ограничивается мотивами осмысления непосредственно собственной судьбы, но также выражен в посвящениях знакомым поэтам и в поэтических произведениях о классиках; в рамках данной статьи обратим внимание на сопутствующие тому характеристики с точки зрения библейского дискурса. Судьба поэта и его предназначение, по Кузнецову, неотделимы от его роли как носителя светлого начала, художника Божьего Слова, и потому творческий человек, идущий извилистым путем и не чурающийся «чертовщины» в своем творчестве, осуждается Ю. П. Кузнецовым. В этом плане наиболее показательное изображение поэтом Гоголя. В 1978 году Кузнецов посвятил писателю стихотворение «Тайна Гоголя», в котором возникает образ спустившейся с неба лестницы, перекликающийся с лестницей («лествицей» из апокрифа) из сна ветхозаветного Иакова (Быт 28: 12–16). Однако если видение Иакова символизирует надежду и предвестие сошествия Христа на Землю, а также связь между миром земным и небесным (по лестнице спускаются и поднимаются ангелы), то видение Гоголя скорее инфернально и несколько гротескно-комично: «вперяясь очами во тьму», писатель тщетно ждал «небесного знака», ему привиделась картина спустившейся с неба лестницы, и «он ловил ее долго рукой»; однако на небо писателю мешают забраться окружившие его «кувшинные рыла» – частые персонажи в его прозе, – которые начинают дразнить Гоголя аллюзиями к его собственным произведениям. Ю. П. Кузнецов использовал литературный и биографический материал, чтобы метафорически отобразить основные аспекты творчества Гоголя, которые, несмотря на мастерство последнего, согласно Ю. П. Кузнецову, помешали ему стать истинно вдохновенным писателем. Эта тема в дальнейшем найдет воплощение в поэме «Сошествие в ад», где поэт недвусмысленно раскрывает «тайну Гоголя», продолжая использовать те же средства отображения: Гоголь оказывается в преисподней и, подобно Панночке, летает в гробу.

Иное отношение у поэта к Пушкину, которого он сравнивает с «русским ангелом». Характерно, что, к примеру, в одноименном стихотворении Ю. П. Кузнецов так же активно использует реминисценции, в

частности к «Памятнику» и «...Вновь я посетил...», однако, в отличие от запятнанного inferнальным творческого наследия Гоголя, пушкинское несет свет, и здесь же встречаем крайне любопытную реализацию мотива отражения: «Его душа блеснёт, как зеркало, на солнце. / Всё отразит она: и небеса святые, / И солнце истины, и ангела России» [4, т. 5, с. 259]. Душа Пушкина, обращенная вовне, к миру, Родине и свету, совершенно чиста (сравним со словами послания апостола Павла: «Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2Кор. 3: 18)).

Поэт – человек, что «с Богом говорит» и «слово истины творит» [Там же, т. 4. с. 382]. Как отмечает Н.И. Ильинская, «синергичность творческого процесса с Создателем – то новое, что появляется в концепции творчества Ю. Кузнецова и укореняет ее в религиозно-философских основаниях русской поэзии» [2, с. 382].

Художественный мир Ю.П. Кузнецова строится на таких неразрывно связанных константах, как православная вера, Родина и собственное поэтическое предназначение, что особенно ярко оформилось в зрелом творчестве автора. Три рассмотренных направления поэтической мысли Ю.П. Кузнецова, основанных на христианской образной системе, свидетельствуют об удивительной целостности и последовательности в развитии его творческой системы.

Список литературы

1. Гордиенко Н. Н. Русская поэзия рубежа XX–XXI веков в контексте православной духовной традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. Н. Гордиенко; Моск. гос. гум. ун-т. М., 2008. 30 с.
2. Ильинская Н. И. Тема «Бог и поэт» в творчестве Юрия Кузнецова // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2013. № 2 (6). С. 253–258.
3. Казначеев С. М. Эсхатологические мотивы в поэзии Юрия Кузнецова // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. № 6. С. 68–72.
4. Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы: в 5 т. М.: Лит. Россия, 2013.
5. Кузнецов Ю. П. Тропы вечных тем: проза поэта. М.: Лит. Россия, 2015. 713 с.
6. Николаева С. Ю. Христианский провиденциализм в поэзии Юрия Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2007. № 10. С. 58–69.
7. Николаева С. Ю., Редькин В. А. Концепт «Зеркало» в поэзии Ю.П. Кузнецова и Б.Л. Пастернака. Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 265–274.
8. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.

9. Редькин В. А. Инфернальный мир в творчестве Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. (2014). № 1. С. 73–78.

BIBLICAL DISCOURSE IN YURI KUZNETSOV'S POETRY

A. V. Ilinykh

Tver State University

Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article discusses the main vectors of the development of Y. P. Kuznetsov's poetic thought related to the biblical discourse: the understanding of the image of Christ as a moral compass, the perception of the Motherland as an image of the world in the light of the Christian worldview, the definition of the role of the poet as a preacher of God's Word. Special attention is paid to the leitmotif of reflection in the author's work and the antonymic construction of Y. P. Kuznetsov's figurative system; eschatological, or infernal, motives in his works are also discussed.

Keywords: *Y.P. Kuznetsov, Russian poetry of the XX century, Christianity, the image of Christ, biblical symbolism, the motive of reflection, the image of the poet, N.V. Gogol, A.S. Pushkin.*

Об авторе:

ИЛЬИНЫХ Анастасия Витальевна – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the author:

ILINYKH Anastasiya Vitalevna – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.